

Rudyard Kipling

PUCK
OF POOK'S HILL

Редьярд Киплинг

ПАК
С ХОЛМА ПУКА

*Перевод с английского
Ирины Гуровой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.111-34-053.2

ББК 84(4Вел)я44

К 42

Иллюстрации
Гарольда Роберта Миллара

ISBN 978-5-7516-1461-4

© «Текст», издание на русском языке, 2019

Меч Виланда

ПЕСНЯ ПАКА

Вот чудятся две колеи,
Над ними луг цветет.
О, это пушки там везли
Испанский встретить флот.

Вон над ручьем встает гряда,
Там мельница видна.
О, в Книге Страшного суда
Записана она.

Вон той дубравы тихой сень
Ров прячет роковой.
О, Гарольд пал там в страшный день,
И саксов дрогнул строй.

Вон волны на берег бегут,
И виден Рай* вдали.
О, викингов прогнали тут
Альфреда корабли.

Вон тянется пустырь, где днем
Порой пасут телят.
О, прежде Лондона на нем
Шумел богатый град.

---

* Рай — небольшой город на юге Англии в графстве Восточный Суссекс. (Здесь и далее примечания редактора.)

Вон дождь явил на краткий миг
Вал с четырех сторон.
О, лагерь некогда воздвиг
Здесь римский легион.

Вон на обрыве у реки
Дерн кое-где просел.
О, это здесь кременщики
Выламывали мел.

Былым Уменьям и Путям.
Свой наступает срок,
Кровавым распрямя, мирным дням
Подводится итог.

Из этого всего, смотри,
Сложилась Англия.
Волшебный остров Гранмери,
Страна твоя, моя.

Дети давали в Театре спектакль для Трех Коров — «Сон в Иванову ночь»*, но не целиком, а то, что знали. Длинную шекспировскую комедию их папа переделал в короткую, а потом он и мама репетировали с ними, пока они не выучили все наизусть до последнего словечка.

Начинали они с того места, когда ткач Ник Основа выходит из кустов с ослиной головой на плечах вместо человеческой и видит спящую Титанию, королеву фей и эльфов. А потом сразу перешли к сцене, когда Основа просит трех маленьких эльфов почесать ему голову и принести меда. Заканчивалось представление тем, как он заснул в объятиях Титании. Дэн играл Пака, Ника Основу и всех трех эль-

---

* Название этой комедии У. Шекспира чаще переводят на русский как «Сон в летнюю ночь».

фов. В роли Пака он надевал суконный капюшончик с острыми ушками, а в роли Основы бумажную ослиную маску из рождественской хлопушки — но приходилось все время следить, чтобы она не порвалась. Уна была Титанией в венке из колокольчиков и с волшебным жезлом — стеблем наперстянки.

Театром был луг, который назывался Длинный склон. С одной стороны, образуя излучину, его огибала мельничная речка, неся воду мельнице через два-три поля, а середина излучины заключала большой древний Круг Фей, обозначенный более темной травой. Берег речки густо зарос ивами, орешником и шиповником, и там было очень удобно ждать, когда настанет твой черед выйти на сцену. Увидев излучину, один взрослый сказал, что сам Шекспир не мог бы пожелать лучших декораций для своей комедии. Конечно, в Иванову ночь им бы не позволили сыграть их комедию, а вот вечером разрешили, и они пошли на луг после чая, когда тени уже удлинились, и взяли ужин с собой — крутые яйца, сухарики и соль в конвертике. Три Коровы мирно паслись — их уже подоили, и даже в дальнем конце луга было слышно, как сочная трава хрустит у них на зубах, а шум работающей мельницы был словно топот босых ног по твердой земле. На столбе ворот сидела кукушка и повторяла свое июньское «куку — кук!», а хлопотливый зимородок сновал между мельничной рекой и ручьем, журчавшим по ту сторону луга. Но и все эти звуки словно окутывала густая сонная тишина, благоухавшая таволгой и сеном.

Играли они просто замечательно. Дэн помнил все свои роли — Пака, Основы и трех эльфов, а Уна не спутала ни единого словечка Титании, даже в ужасно трудном месте, где королева приказывает эль-

фам принести Основе «абрикосов, зеленых винных ягод, ежевику». Им обоим так это понравилось, что они повторили спектакль три раза с самого начала до самого конца, и только потом расположились в середине Круга подальше от репейника, чтобы поужинать яйцами с сухариками. Вот тут-то то и раздался свист в ольхе на берегу — они даже подскочили.

Ветки раздвинулись. На том самом месте, где Дэн говорил за Пака, теперь стоял кто-то маленький, загорелый, широкоплечий, курносый, с раскосыми голубыми глазами и ухмылкой, которая делила почти пополам его усыпанную веснушками физиономию. Он приставил ладонь козырьком ко лбу, словно наблюдая, как Пигва, Миляга, Основа и вся остальная компания репетируют «Пирама и Фисбу»*, а потом голосом басистым, точно мычание Трех Коров, когда они просят, чтобы их подоили, произнес:

Что тут за сброд мужланов расшумелся
Так близко от царицы?

Он умолк, приложил полусогнутые пальцы к уху и со злокозненным блеском в глазах продолжал:

Ба! Тут пьеса!
Ну что ж, я буду зрителем у них,
При случае, быть может, и актером!**

Дети смотрели, и у них просто дух захватывало. Маленький — он доставал Дэну только до плеча — неторопливо вошел в Круг.

---

* Древняя легенда о трагической любви юноши Пирама и девушки Фисбы очень похожа на историю Ромео и Джульетты, героев трагедии Шекспира.

** Цитаты из «Сна в Иванову ночь» приводятся в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник.

*...кто-то маленький, загорелый, широкоплечий, курносый,
с раскосыми голубыми глазами... вошел в Круг.*

— Я немножко не в голосе, — сказал он, — но мою роль следует играть только так.

Дети продолжали молча его разглядывать — от синего колпачка, похожего на большой колокольчик, до босых волосатых ног. Он засмеялся.

— Пожалуйста, не смотрите на меня так. Я ведь не виноват. Чего еще могли вы ждать?

— Мы никого не ждали, — ответил Дэн с запинкой. — Это наш луг.

— Вот как? — сказал их гость и сел. — Так для чего же, во имя Земли Человеческой, вы трижды сыграли «Сон в Иванову ночь» в ее канун, причем у подошвы, у самой подошвы одного из старейших моих холмов во всей Старой Англии? Холм Пука — Холм Пака, Холм Пака — Холм Пука! По-моему, яснее ясного.

Он кивнул на заросший папоротником склон холма Пука, который поднимается на том берегу мельничной речки к темному лесу. А за лесом склон уходит все выше и выше на целые пятьсот футов, и, наконец, вы добираетесь до голой вершины Бикон-Хилла, Сигнального холма, откуда видны низины Певенси, и Ла-Манш, и половина безлесых Южных Даунсов.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Терном! — воскликнул он сквозь смех. — Случись такое несколько сотен лет назад, так весь Народ Холмов вырвался бы наружу, точно пчелы из дупла в июне.

— Мы не знали, что это нехорошо, — сказал Дэн.

— Нехорошо! — Маленький затрясся от хохота. — Нет, это очень хорошо. Чтобы сотворить то, что вы сотворили сейчас, бывшие короли, рыцари и черно-книжники отдали бы свои короны, свои золотые

шпоры, свои книги. Помогай вам сам Мерлин, ничего чудеснее вы не совершили бы. Вы ведь отомкнули Холмы — вы отомкнули Холмы! Тысячу лет это никому не удавалось!

— Мы... мы нечаянно, — виновато сказала Уна.

— Конечно, нечаянно. Оттого-то у вас и получилось. Жаль только, что Холмы опустели: Народ Холмов покинул их. Остался только я — Пак, древнейший из Древних в Англии, к вашим услугам, если... если вы хотите со мной дружить. Если нет, скажите только слово, и я уйду.

Он посмотрел на детей, дети посмотрели на него — и так продолжалось почти полминуты. Глаза у Пака уже не блестели, они были очень добрые, а его губы складывались в такую хорошую улыбку!

Уна протянула ему руку.

— Не уходите, — сказала она. — Вы нам нравитесь.

— Возьмите сухарик, — сказал Дэн, протягивая помятый пакет.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Терном, — воскликнул Пак, сдергивая свой синий колпачок, — вы мне тоже нравитесь. Посоли сухарик покруче, Дэн, и я преломлю его с тобой. Это тебе покажет, какой я. Некоторым из нас, — продолжал он с набитым ртом, — не показана Соль, или Подкова над дверью, или ягоды Рябины, или Проточная Вода, или Холодное Железо, или звон Церковных Колоколов. Но я — Пак.

— Мы, я и Дэн, — неловко сказала Уна, — всегда думали: случись такое с нами, уж мы бы не растерялись, мы бы знали, что делать. Но... но все получается как-то не так.

— Ну да, если бы мы встретили фею, — объяснил Дэн. — Только я в них никогда не верил... то есть перестал верить еще в шесть лет.

— А я верила, — твердо сказала Уна. — Ну, почти верила, пока мы не выучили «Награды и феи». Может быть, вы знаете? «Награды и феи, пришел ваш черед. Прощайте...»

— Это? — Пак откинул крупную голову и продолжал со второй строки:

«Прощайте!» — сказали вам дети.
Неряхам в коровнике тот же почет,
Что лучшей хозяйке на свете.
И пусть подгоняет она лежебок...

Что же ты, Уна? Давай вместе!

Пусть чистит и моет, как может,
В награду монетку в ее башмачок
Теперь уж никто не положит.

По всему лугу перекликалось эхо.

— Ну конечно же знаю, — закончил Пак.

— А еще стих про Круги, — сказал Дэн. — Когда я был маленький, у меня от него всегда делалось грустно внутри.

— «Кругов с волшебной муравой» — ты об этом? — голос Пака загремел, как церковный орган, —

Осталось очень мало,
С тех давних пор, когда страной
Мария управляла.

Пришли Елизаветы дни
И Якова*, — тогда
Круги покинули они,
Исчезли без следа.

Давненько я не слышал этой песни, но правде лучше смотреть в глаза: так оно и есть. Народ Холмов покинул Холмы. Я видел, как они приходили в Старую Англию, и я видел, как они ее покидали. Великаны, тролли, келпи, брауни, гоблины, бесенята; духи леса, деревьев, гор и воды; вересковый народ, стражи холмов, писхоги, лепречоны, ночные наездники, эльфы, пиксы, гномы и все-все остальные — нет их больше. Никого не осталось. Я пришел в Англию вместе с Дубом, Ясенем и Терном, и, когда исчезнут Дуб, Ясень и Терн, с ними исчезну я.

Дэн посмотрел на луг — на дуб Уны у нижней калитки, на ясени над заводью Выдр, куда мельничная речка сбрасывает свою воду, когда она не нужна Мельнице, и на корявый, колючий боярышник, о который Три Коровы почесывали шеи.

— Ну, это еще ничего, — сказал он и добавил: — Осенью я посажу побольше желудей.

— Но если так, значит, вы старый-престарый? — сказала Уна.

— И вовсе не старый, а просто много повидал на своем веку, как говорят в здешних краях. Дайте-ка сообразить... Мои друзья ставили мне на ночь плошку со сливками, когда Стоунхендж был еще новым.

---

* Имеются в виду королева Мария Стюарт, королева Елизавета I и король Яков I.